

НАЦИОНАЛЬНЫЙ театр — гордость финского театра. Здание рубежа веков. Внутри — «крученая» деревянная лестница ведет на балкон, северный строгий модерн обнаруживает себя «лапидарной» резьбой перил.

Долгое время здесь было две сцены, недавно к театру пристроили аппендикс, в котором — еще две «малых» сцены, одна другой меньше. Всего — четыре, но зрители хорошо ориентируются в соответствующих указателях и, кажется, всегда попадают туда, куда собирались попасть. Хотя с первого раза запутаться немудрено.

В начале октября Национальный театр едет в Петербург, где в афише фестиваля «Балтийский дом» значатся «Три сестры» в постановке Валерия Фокина. Спектакль сыграют без перевода, как уже принято у нас по отношению к чеховским пьесам.

Новый сезон начался двумя премьерами. На одной из новых сцен сыграли «Гостя» Оливера Буковски. На большой, главной, сцене — «Кошку на раскаленной крыше» Теннесси Уильямса.

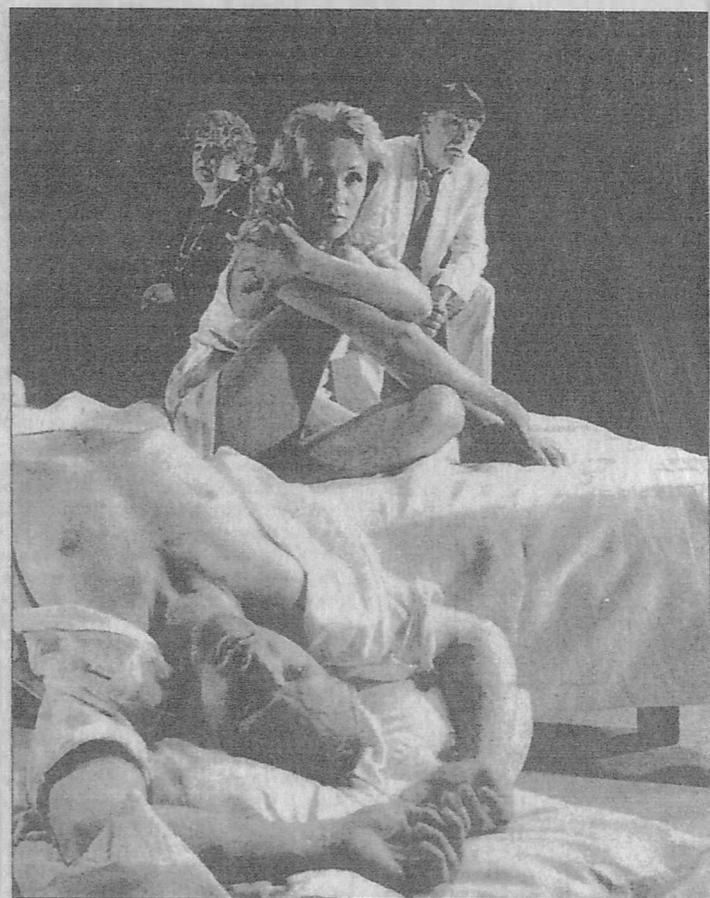
Спектакль молодого режиссера Реко Лундана (Юха Силтанен специально для него сделал новый перевод пьесы) позволяет говорить о некоторых тенденциях, общих сегодня и для финского театра, и для финского кино (равно как и для актуального искусства, которое выставлено в залах расположенного по соседству — наискосок от городского вокзала — Музея современного искусства). Пора наконец обнажить все язвы и — для пушей наглядности — обнажиться. Из анонсов тех спектаклей, которые можно увидеть в этом месяце в Музее современного искусства в соответствующих — «актуальных» — интерьерах можно заключить, что костюмы здесь — понятие давно отжившего прошло-

сих пор угол, а та стена, с дверью в ванную, которую только что прошиб своим костылем Брик, разворачивается и отъезжает куда-то в, кажется, бескрайние недра сцены.

Продвигаясь все дальше (глубже?) в рассуждениях о месте секса и сексуального в новом финском искусстве, нельзя не обозначить одно обстоятельство. Премьерный зал больше всего реагировал не на чрезмерную открытость трактовок

ную картину можно рассматривать и как синопсис неснятого режиссером телесериала — так легко (даже в памяти) он дробится на сцены-истории, каждой из которых хватило бы на телесерию. Телевизионный опыт сказывается в том, что все становится понятно достаточно скоро. Но скучно от этого не становится.

Молодой врач «Скорой помощи», 27-летний Ари (Микко Ноу-

Сцена из спектакля «Кошка на раскаленной крыше».

«ГОРЯЧЕЕ» ИСКУССТВО

В ХОЛОДНОМ КЛИМАТЕ

В Хельсинки в Национальном театре сыграли премьеру «Кошки на раскаленной крыше»

В сауне. Кадр из фильма

го. Роль — сама по себе достаточное «платеж», чужие слова и жесты не от первого лица задрапируют лучше бесчисленных оборотов и ста одежек.

В пьесе Буковски, ныне модного в Европе драматурга, обнажения легко объяснить немецким происхождением и германским натурализмом. «Обнажающим» натурой открывается и Уильямс, где Брик (Тимо Туоиминен) появляется в дверях ванной совершенно голый и, спиной к публике, долго переминается с ноги на ногу, и хмуро, безо всякого вдохновения машет полотенцем, вытираясь во всех подробностях. А растерянная, нервная красавица Маргарет (Катарина Кайтуе) будет ходить по сцене в шелковой комбинации, сквозь блики которой просматриваются кружевные трусики. Трусики скоро летят на пол, но ненадолго — сюжет в этом не нуждается.

Обнаженное тело «выступает» в неразрывном соединении с обнаженными, напряженными нервами, как бы «отыгрывает» их. Чувства, как и написано Уильямсом, все на пределе, и герои рвут в клочья души, надрыдают голоса и калечат тела (или: Уильямсу оказано предпочтение именно потому, что его предельные чувства так близки сегодняшним потребностям финского театра). В исступлении Брик замалчивается на Маргарет, та уворачивается, и удар костылем калечит лверь.

Некоторую разрядку вносят появления Большой Па, которую играет известная финская актриса Мария Куусилуома, действительно большая, необъятная, чей падрыв, против остальных, вызывает улыбку и даже смех.

Главные герои — в белом, во всяком случае, в светлом, ходят (мечутся, как Маргарет или Брик — бегают друг за другом и друг от друга) по белой комнате. Белая конструкция представляет угол комнаты, развернутой и, кажется, выдвинутой в зал. Когда входит Большой Па (Исмо Каллио), комната переворачивается, из темноты выдвигается другая стена, образуя отсутствовавший до

(типа выхода голозлого Брика, который сначала долго не облачался, а потом весь первый акт ходил по сцене в обтягивающих все подробности мужской анатомии трусах), а на фразы и взгляды Большой Па, имевшие отношение тоже к Брику: «пять?» опять пал так можно и спать!». Тут зрел понимающее оживал. То есть и все остальное было тоже понятно, но относилось к разряду высокого искусства, а это — как будто имело непосредственное отношение к жизни, и потому встречалось не — если можно так сказать — театральным, а бытовым, не возвышенным одобрением.

О небывалой откровенности в искусстве в Финляндии заговорили совсем недавно и не в связи с какой-либо театральной премьерой. И «Кошка на раскаленной крыше» вряд ли заставит говорить о неких новых взятых на этом пути высотах. Но премьеры в Национальном театре вполне стоились для того, чтобы говорить о существующих тенденциях.

Об открытости эротического свойства заговорили этим летом после премьеры фильма тридцатилетнего режиссера Аку Лоухимиеса «Неприкаянный», снятого компанией «Солар филмс» при поддержке Финского кинофонда. Говорят о хорошем дракоте. Свидетельство успеха — хорошо продающиеся кассеты и диски с записью музыки к фильму.

В июле фильм шел в конкурсе Московского международного кинофестиваля — и был воспринят как нелишний аргумент в пользу переключения интереса ММКФ на фильмы-дебютанты.

Слова о том, что «фильм не оставит вас холодными», могут показаться даже пресными. Фильм Лоухимиеса действительно увлекает, не оставляя равнодушным. Отчасти тому порукой — опыт режиссера: «Неприкаянный» — его кинодебют, но до того Лоухимиес успел поработать на телевизионном, снимая комедийные и «драматические» сериалы. Стодесятиминут-

скайнен) в свободное от работы время знакомится с девушками. Правило, которому он старается не изменять, — ни с кем не встречаться дважды. С Тинной он знакомится на пляже. Девушка легко соглашается зайти домой к новому знакомому, но дальше... Дальше природа берет свое. Девушка — что с нее взять?! — она хочет долгих отношений. Ари же не чувствует себя чем-либо связанным и обязанным. Она знакомит его со своими друзьями, вводит в давно сложившуюся компанию. И Ари, идя навстречу желаниям, скоро почти разрушает ее, вступая сначала в отношения с «без пяти минут» замужней Илоной, а потом и с Ханной-Риккой, девушкой-священником. Душеспасительные беседы сменяются нравственно-телесными муклами, а потом и бурной ночной сеной.

Одна из рекламных фраз отмечала, что режиссер — тех же лет, что и его актеры, а следовательно — и его герои. Что Лоухимиес снял фильм о сверстниках, а чуть ли не главная его идея почерпнута из «Постороннего» Альбера Камю. Даже в названиях читается переключки. Но отстранение как бы исключает возможность сочувствия, увлечения и какой бы то ни было эротической увлеченности в том числе. По правде сказать, небывалая открытость в данном случае имеет мало общего с эротикой. Наоборот, впрочем, говорить о бесчувственности (опустошенности или даже пустоте) главного героя. Недаром Ари не раз повторяет в начале фильма: «Я пустой, я пустой...». И, кажется, только в финале, перепробовав не столько многое, сколько много (во всяком случае, всех женщин, так или иначе попадающих в кадр), Ари начинает что-то чувствовать. Или это чувства приходят к нему. Вот тут-то бы и начинать с открытостью. Но тут — кончается фильм. Помимо мало-волнующей открытости русский зритель выносит из этой картины короткий диалог: «Кто там?» — «Почтальон Печкин». Приятно, что ни говори.